

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-5-14
УДК 81'28

Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин)

Людмила Витальевна МАРКИНА

ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, корп. 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>, e-mail: markina.lv@mail.ru

Gender stereotypes of masculinity in dialect communication (based on the material of men's expletive nominations)

Ludmila V. MARKINA

Moscow City University
4-1 2-y Selskokhozyaystvennyy Dr., Moscow 129226, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>, e-mail: markina.lv@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является описание некоторых традиционных гендерных стереотипов маскулинности, бытующих в современной диалектной коммуникации, с опорой на анализ бранных именований мужчин. Актуальность темы обусловлена значимостью проблемы гендерных стереотипов для выявления, а также для имеющих место обоснования и упрочения существующей в современном отечественном социуме гендерной асимметрии. Методологическая основа исследования – реализованное в работах А.В. Кирилиной понимание гендера как социокультурного конструкта, предполагающего описание существующих в социуме стереотипных гендерных представлений о признаках, качествах, моделях поведения, обусловленных принадлежностью к определённому полу и отражённых в различных единицах языка. Проанализированы бранные номинации мужчин в русских говорах и отмечено их использование, прежде всего, для обозначения носителей тех качеств, которые не соотносятся в народном сознании с традиционным «идеальным» образом мужчины как репрезентанта доминирующего пола с предопределённым природным мироустройством, правом на господствующие позиции в обществе. Негативной оценке подвергаются: отсутствие физической силы и выносливости, хозяйственных навыков; тунеядство; пребывание в праздности; бесхарактерность, слабоволие, покладистость в семейной жизни; излишняя скромность (мухрышка, гатила, чужеспинник, хабольник, продыра и др.). Подтверждено также неприятие у лиц мужского пола качеств, не отвечающих нормам жизненных устоев деревенского социума, устоявшимся национальным нравственным ценностям, – спесь, хвастливость, нелюдимость, а также наглость, пронырливость, хитрость, жуликоватость, бесцеремонность (чванишка, хвальбун, молчага, ухах, шныра, хап и др.). Выявлены мужские качества, негативно оцениваемые с помощью бранных номинаций лишь в своём чрезмерном проявлении или избирательно, – склонность к употреблению алкоголя, агрессивность, свобода поведения (пьянушка, бузуй, чужебабник и др.). Обоснована немногочисленность относящихся к мужчинам бранных номинаций с семантикой, традиционно соотносимой в диалектной среде с принадлежностью исключительно или преимущественно женщинам и тем самым воспринимаемой как снижающая статус мужчины, – ворчливость, жадность, болтливость, привередливость, назойливость, суетливость, трусливость, скандальность, бестолковость (хныч, жадоба, балабан, чемединник, мула, толкун, хлыстень, тюляпай, тупак и др.). Сделан вывод, что диалектные бранные номинации мужчин, опосредованно отражающие специфику русского национально-культурного сознания, поддерживают патриархальные гендерные стереотипы, представляя собой свидетельство андроцентричности диалектной картины мира.

Ключевые слова: стереотип; бранная номинация; диалектная коммуникация; семантика; менталитет; система ценностей; гендер

Для цитирования: Маркина Л.В. Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 5-14. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-5-14

Abstract. The aim of the research is to describe some of the traditional gender stereotypes of masculinity that exist in modern dialectic communication, based on an analysis of the abusive names of men. The relevance of the topic is due to the significance of the problem for identifying, as well as for the justification and strengthening of gender asymmetry existing in the modern Russian society. The methodological basis of the study – implemented in the works of A.V. Kirilina's understanding of gender as a sociocultural construct, suggesting a description of the stereotypical gender ideas about signs, qualities, patterns of behavior that exist in the society due to belonging to a particular gender and reflected in various units of the language. The study analyzes the abusive nominations of men in Russian dialects and notes their use primarily for designating carriers of those qualities that do not correlate in the popular consciousness with the traditional "ideal" image of a man as a representative of the dominant sex, with a predetermined natural world order, the right to have dominant positions in the society. The following are negatively assessed: lack of physical strength and endurance, economic skills; parasitism; staying in idleness; spinelessness, weakness, complaisance in family life; excessive modesty (*mukhryshka*, *gatila*, *chuzhespinnik*, *khabol'nik*, *prodyra*, etc.). The rejection of qualities that do not meet the standards of life of the village society, established national moral values, by males is also confirmed – arrogance, boastfulness, unsociability, as well as impudence, sneakiness, cunning, roguishness, shamelessness (*chvanishka*, *khval'bun*, *molchaga*, *ukhach*, *shnyra*, *khap*, etc.). Male qualities that were negatively assessed with the help of swearing nominations only in their excessive manifestation or selectively, were revealed – a tendency to drink alcohol, aggressiveness, freedom of behavior (*p'yanushka*, *buzuy*, *chuzhebabnik*, etc.). The small number of abusive nominations related to men with semantics traditionally correlated in a dialectic environment with belonging exclusively or mainly to women and thereby perceived as reducing a man's status is justified – grouchiness, greed, talkativeness, fastidiousness, importunity, fussiness, cowardice, scandalous, clumsy (*khnych*, *zhadoba*, *balaban*, *chemezinnik*, *mula*, *tolkun*, *khlysten'*, *tyulyapay*, *tupyak*, etc.). The author concludes that the dialectic swearing nominations of men, indirectly reflecting the specifics of the Russian national-cultural consciousness, support patriarchal gender stereotypes, representing evidence of the androcentricity of the dialectic picture of the world.

Keywords: stereotype; abusive nomination; dialect communication; semantics; mentality; value system; gender

For citation: Markina L.V. Gendernyye stereotipy maskulinnosti v dialektnoy kommunikatsii (na materiale brannykh nominatsiy muzhchin) [Gender stereotypes of masculinity in dialect communication (based on the material of men's expletive nominations)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 5-14. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-5-14 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Усиление патриархатных настроений в современном отечественном социуме, поддерживаемое государством как проявление и сохранение традиционных национальных ценностей, предполагает обращение к исследованию гендерных стереотипов, актуализируемых в русских говорах, – признанных хранителях национальных ценностных ориентиров народа, его менталитета. См.: «Диалект – это такой же язык, как и любой другой, обладающий свойствами социальной предназначенности, выполняющий коммуникативную, когнитивную и эпистемическую

функции. Благодаря этим функциям осуществляется межгенерационная диахроническая трансляция духовных ценностей, достигается духовная преемственность нации, сохраняется этническое самосознание, стабильность этнической традиции» [1, с. 46].

Гендерные стереотипы оказались в сфере внимания лингвистов ещё в конце прошлого столетия в силу их значимости в индивидуальном и общественном сознании как фактора, оказывающего сильнейшее воздействие на отношения и поведение людей. Вопросы гендера в разных аспектах и на материале единиц различных языковых уровней представлены в работах А.В. Кирилиной, Е.И. Го-

рошко, Е.С. Гриценко, А.А. Григоряна, Г.Г. Слышкина, В.Н. Телия, В.В. Васюк, И.В. Зыковой, Н.И. Голубевой-Монаткиной, А.М. Кузнецова и целого ряда других исследователей.

Однако, как отмечают исследователи, гендерная проблематика разрабатывается преимущественно на материале литературного языка, гендер же в диалектной речи на сегодняшний день остается вне системного исследования [2]. Работы по изучению гендера в диалектной коммуникации крайне немногочисленны и обращены, прежде всего, к анализу традиционных стереотипных представлений о женщинах [3–6]. При этом гендерные представления о мужчинах, насколько можно судить, не становились предметом специального анализа.

Между тем без раскрытия специфики гендерных стереотипов в говорах, их влияния и роли как носителей традиционных социальных ценностей и норм в воспроизводстве гендерного неравенства в обществе невозможно решение ряда проблем, в том числе злободневной для исследователей и широко обсуждаемой проблемы изменения социальных стереотипов в современном мире: «Исследование констант и трансформации народно-речевой культуры в современных условиях, **выявление степени сохранения её ментальных доминант, характера межязыкового и межкультурного взаимодействия** вписывается в круг актуальных проблем современного гуманитарного знания» [7, с. 36].

Целью данной работы является выявление и описание особенностей традиционных гендерных представлений о маскулинности, бытующих в современной диалектной коммуникации, с опорой на не проводившийся в данном аспекте ранее анализ бранных номинаций мужчин. Под гендерными стереотипами мы вслед за А.В. Кирилиной понимаем культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов, которые отражены на всех уровнях языка и тесно связаны с формами выражения оценки в языке [8, с. 98].

Одним из значимых источников гендерной информации является диалектная бранная лексика. «Бранные слова и выражения,

являющиеся способом выражения недовольства собеседником, который в том или ином плане не соответствует неким стереотипным ожиданиям говорящего, опосредованно отражают особенности национально-культурного сознания носителей диалекта, характера русского человека и его ментальности, его ценностные ориентиры... Они дают представление и об особенностях восприятия гендера диалектоносителями» [9, с. 65]. По поводу определения бранной лексики мы разделяем позицию И.А. Стернина, считающего бранной такую лексику, которая «содержит резкую обобщённую неодобрительную оценку объекта номинации – лица, явления, предмета. Применительно к человеку она может употребляться с намерением оскорбить или унижить адресата, а может использоваться и без такого намерения, использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, для характеристики некоего лица для себя или партнеров по коммуникации» [10, с. 7].

Источником фактического материала для наших наблюдений послужила русская диалектная речь – записи высказываний носителей русских говоров средней полосы России (так называемых говоров «позднего заселения»), относящиеся ко второй половине XX – началу XXI века и послужившие иллюстративным материалом для «Словаря русских говоров на территории Мордовской АССР (с 2001 г. «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия»)» [11], в работе над которым в составе словарной группы в течение более двадцати лет принимал участие автор, а также «Фразеологического словаря русских говоров на территории Мордовии» Р.В. Семенковой [12]. Иллюстрации даны в упрощённой фонетической транскрипции.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Гендерные представления о предназначении, поведении, приоритетах, личностных качествах и характеристиках мужчин и женщин глубоко укоренены в сознании людей и предопределяют их реакцию на ожидаемое соответствие/несоответствие некой общепризнанной норме жизнеустройства. Бранные номинации в диалектной коммуникации

фиксируют недопустимые с позиций национальной системы ценностей личностные качества, черты характера, манеру поведения, устремления, межличностные отношения мужчин и женщин, тем самым давая представление о традиционных гендерных стереотипах.

В сознании носителей говоров, о чём свидетельствует и проанализированный нами материал, патриархальная картина мира с утверждением мужского доминирования, идеи большей ценности мужчины и вторичности, зависимости, неполноценности женщины представляется единственно возможной, не подвергаемой сомнениям. Язык отражает подобное положение вещей, в частности, в номинациях с пейоративным значением: Ну и **чичёткь** [женщина, рожающая одних дочерей] питирых рдыла и фсех девкь, а мужык парня ждал.

Что касается характеристик мужественности в представлении диалектоносителей, то речь идёт прежде всего о соответствии мужчины его статусной роли – праве принимать решения, отдавать приказы, распределять обязанности, требовать их исполнения, что по умолчанию признаётся мужской прерогативой. Патриархальное устройство, характерное для сельского социума, демонстрирует власть мужчин в семье, где главным является отец и муж: Ув миня, как Микалай помир, Лёнькь зь большака [старший в доме, хозяин], а ув них нет в доми бльшака-ть, пьтаму и парятку нету. Положение вещей, при котором у мужчины нет полноты власти, например, проживание в доме родителей жены [жить во влазнях, войти (идти, пойти) во двор] считается унижительным: Спирва нада в муравлину кучьку сесть бис парток, как вытирпиш, то и ва двор можна иттить; Ва влазних плохь жыть, нада свой дом строить.

Являясь носителем неограниченной власти, глава семьи имеет право «учить», то есть наказывать, бить заслушание не только детей, но и жену, см.: Вофси пиристал слушъцъ, ну пьдажди, атец с работы придёт, он тибя атнижыт [избить, высечь] римнём-ть; Сам пашол с мужыками, а я нъ няво зъчяла ругацъ. Он вярнулси – и тебинь [резкий удар ногой, коленом, пинок] мне; Я тибя вздрюцу [избить, высечь] так, штоп ты ни савальсь ни ф сваё дель. Пъняла?

Побои мужа при этом воспринимаются как его естественное право, даже оправдываются проступками или неправильным поведением жены: Мужык-ть ей часть давал лупанцу [побить, избить], ну за дель; Шабёркь [соседка] ф пьчки валенки сожгла. Эх и задаст ей мужык плистия! [побить, избить]; Она негоднъ баба-ть, она нъ симёрых побоя добьёцъ [быть жестоко избитым]. Порицаться может лишь чрезмерность, жестокость таких «воспитательных» мер: Он над ней зьтрелюдился [замучить побоями]. Што, чай, мучьт её; У маеи сасетки мужык пьяный шьбутной [драчливый, скандальный], ана ат няво ка мне нъчявать приходит; У Машки муш такоскый пьяницъ: как напьёцъ, так ы ганят иё пь сялу.

Покладистость в семейных отношениях рассматривается как постыдная для мужчины бесхарактерность, слабовольность, жёстко и безоговорочно осуждается, что и закреплено, в частности, в пейоративных номинациях: Иван-ть – примой **мандрихь** [бесхарактерный, слабовольный человек] был, фсю жызнъ пьт кьблуком у жыны; Он и так **ни тюхь ни матюхь** [безвольный, нерешительный], цаво он можьт здельть. **Ни тюхь ни матюхь**. Там Манькь камандьвът; Галькь аб Валерку ноги вытират, он как **тряпкь пьлавая**.

Заслуживают в народном представлении неодобрительного, негативного отношения и такие чреватые утратой мужчиной доминирующих позиций, «женские» качества у мужчин, как простоватость, доверчивость, скромность, нерешительность. Их носители также «наказываются» бранными номинациями: **продыра, простыня, титина, чумоход, шалыган** и др.:

Мишку маво любой праманит, уш такой он **прадыра**, фсем верит; Он **прьстадыра**, асталну рубашку аддаст; Ну уш таким **прьстодырой** быть никому ни жэлаю; Эх ты, **шьлыган**, нивестъ-ть твая з другим пашла.

Главенство в семье зиждется прежде всего на представлении о том, что мужчина – кормилец, он обеспечивает средства к существованию, решает возникающие проблемы, обременён ответственностью, – см.: Цо ей пар парить [беспокоиться, суетиться], у ниё мужык есть, фсё дабьёцъ. Бранные слова фиксируют не соответствующую такому представлению, а потому зазорную для муж-

чин, порицаемую неискренность в «мужских» занятиях – плотничать, столярничать, пахать, ремонтировать и т. д.: Плотники – **гати́лы** [неумелый неискренний в каком-либо деле человек], избу испортили; Наш Кольк-ть нъстающий **афтимб́ря** [о неумелом человеке], ни знат, как лисапет зделеть (отремонтировать).

Семантика подобных номинаций, таким образом, отражает гендерные ожидания наличия у мужчины как производителя благ таких качеств, как усердие и ловкость в работе, мастеровитость. Ср.: Мъладец Валодя! Фсю симью абрабатывът [обеспечивать средствами к жизни, содержать], и на фсё хватат; Работъть Митьк тигушѣй [усердный в работе]. Уш если зъ како дель вазъмѣцъ, то начей спать ни будит, а зделът. Тигушѣй!; Атец у нас на фсяки яки [об умении делать все или многое]: и плотник, и столяр, и пишник.

Совершенно неприемлемым и постыдным для мужчины в сознании носителей русских говоров является тунеядство, жизнь за чужой счёт. В говорах существует целый ряд негативных номинаций мужчин, которых можно в этом изобличить: *тунеядец, дармоед* – **оглоед, хлебоед, хлебоаст, чужеспинник, ялдыга** и др.:

Што ты, Лѣнь, ни работъшь? Аль хочиш, штъп тибя **хлибаядъм** дразнили? – Што ты, Дуня, рази я пахош нъ **хлибаядъ-тъ**?; Пустиль в зятъ-ть этъвъ **ѣглоедъ** и мучыцъ теперь с ним. Он у ней не зиму не летъ негде ни роботът, так ы живет нъ еѣ харчах; У нас **чюжеспинникъф** бы ни далжно быть, а ани есть; В нашем силе **ялдыгъф** ръзвилось уйма, нигде ни работъют.

В говорах строго осуждается лень, пребывание в праздности, стремление к пустому времяпрепровождению, причем как у мужчин, так и у женщин. Хотя эти отрицательные качества в народном сознании больше ассоциируются именно с женщинами, тем не менее фиксируются в довольно большом количестве и бранные номинации, относящиеся к мужчинам: *бездельник, лентяй*: **хлап, хабольник, хлын, хлынец, хлыстенъ, холодошник, целепага, чабаръ, чужесильник, шалаган, шалалай, шалберник, шаныга** и др.:

Пръгнашысси здесь с **хлапъми** и поедиш, как **галах** [босяк, оборванец], бис ко-

пейки; Какой ты у нас **хабольник**, ничяво ни дельш; Эх ты и **хлын**, ничяво ни хатиш дельтъ; **Хълодошники** – этъ лентяи, сидят в тене, ф хълотке, ничово не дельют; Сколькъ этът **чабаръ** будит лижать? Скоръ уш вечер; Из нашъвъ братъ **чужысильникъф-тъ** и не былъ; Два сынъ у ней, и объ **шълалай**, сафсем матири-тъ ни пмагают; **Шалберник** он растѣт: ни ф поли, ни домъ ни хочит работътъ; Пънаехъли **шалберники**, типерь па улицы лытатъ [бесцельно бродить, проводить время в праздности], будут.

Стереотипным представлениям, соотносимым с мужественностью, по данным собранного материала, не соответствуют малосильность, тщедушность, невзрачность, связываемые в народном сознании с малорослостью. Эти характеристики не соответствуют таким традиционно ожидаемым мужским качествам, как физическая сила, выносливость, крепкое здоровье, необходимым для того, чтобы хорошо работать, реализоваться в социуме. Вероятно, именно этим объясняется снисходительно-презрительное отношение к мужчинам маленького роста, закрепленное большим рядом бранных номинаций: **мухрышка, мухряк, пырдик, шитик, шишгут, шлюпень, шпиндик, штыбздик, чибздик**:

Куды уш ты, **шпындик**, бравно бирѣш, сѣ равно ни падымиш; Ладнъ уш эти дылды лезут в драку, а этът **шпиндик** куды? Зъшыбут; Вы взмахнѣти, а этът **шлюпинъ-ят**, чай, и на лошть-ту не влезит; Сам-тъ он **штыбздик**, а жану харошу взял; Што зъ мужыка сибѣ нашла, манинкъй, **мухрышкъ**. Пъ-другому ни нъзавѣш иво. Дъ он, навернъ, и ни абижацъ, чай, сам знат, штъ **мухрышкъй** урадилси; У Тани сын-тъ сафсем ни растѣт, **пырдик** какой-тъ. С таким **пырдикъм** и дефки гулять ни станут.

Той же причиной, несоответствием норме, отклонением от неё, по всей видимости, объясняется брезгливо-пренебрежительное отношение в говорах и к мужчинам с ограниченными умственными способностями (распространяется и на женщин), зафиксированное номинациями с пейоративным значением: **булызина, с булызинкой, околотень, оряма, орон, простой, тюрник, тютя, тяпок, шавя, чучмек, чемерига, чумак, шиндрик, шалай**:

Этът паринь з **булызинкый**, чуть-чуть дурачѣк; Такой уш **окыльтень**, ничяво ни пѣнимат; Уехъл што ль наш **орон-ть**, аль сѣ ходит по улице; Дефки, глидити, вон **п्रा-стой** идѣт; **Тюрникъми** мы глупых людей завѣм; Уйди, **тютя**, дурак бешъный; Дѣ он **чѣмеригъ**, чо с нѣво взять; А Фѣтъкъ у них **чумак**, как ни таисъ; Апятъ **шава**, дурак, с каляскый идѣт; Иди, **шалай**, ацсель, нѣдаел.

Деревенский социум вырабатывает и регламентирует социальные требования, правила для своих членов, определяя в соответствии с этим место в нём каждого своего члена и отношение к нему.

К качествам, которые в мужчинах не заслуживают уважения в деревенском обществе, относятся, в частности, пронырливость, хитрость, жуликоватость, наглость, бесцеремонность, бесстыдство:

– *пройдоха, проныра*: **ухач, шныра**: Этът прѣдавец больнь уш **ухач** хороший, зъкалѣный, ёво уш ни прѣвидѣш, ни проманиш; Ох ы **шмырь** у них старшой-ть, из вады сухим вылизит. Вон Тольку пошлоти просить деник-ть. У нѣво глаза-ти утморожены, он чово хош выпрѣсит. Утморожъны глаза – бестыжы!

– *плут, обманищик*: **хлын, ярыга**: Я ни знал, штъ Ванькъ такой **хлын** у них, а атец-ть харошый мужык; Этът **хлын** везде себе месть найдѣт, этъ наш ни к чому ни способный; Дѣ я давно иво знаю как **ярыгу**, ни верь иму. Харошый чилавек рази абманит; Щас-ть **ярык** многъ рѣзвилось;

– *жулик, мошенник*: **хам, хап, морокун**: **Хам** – этъ каторый хапѣт больнь. Он нѣстоящий **хам**, схамил себе нѣ машину; Если будиш хапать, то и к тебе никаковъ уважѣнья ни будит; И сын-ть в ацца пашол, такой жъ **хап**; **Мърокун** он, любовь ублапошыл, ис колхозъ фсѣ ташшыл. Кто не знат этъвъ **мъркуна**.

Не приветствуются хвастливость, высокомерие, а также нелюдимость, угрюмость как свидетельства стремления выделиться, противопоставить себя остальным, что противоречит национальному менталитету:

– *хвастливость*: **хвальбун, хлыст, чимахвал**: Выпимшы ты **хвальбуном** дельсси: фсѣ у тебя есть, для фсех ты добрый; Он **хвальбун**, нѣхвалился, штъ у нѣво фсякый одѣжы полно и обуви, а сам и зиму, и

летъ ф събогах; Эх ты и **хлыст**, нахвастъш штъ хош; Аткудъ эндъки **чимахвалы** бирущъ?

– *заносчивость, высокомерие*: **ферт, чванишка**: Ну и **ферт** у тибя шабѣр: ходит нос кверху, ни с кем ни здаровѣищъ; Ты нѣстоящий **чванишкъ**, сроду нос зѣдираш;

– *угрюмость, нелюдимость*: **будюм, буклай, булыч, молчага, тюхтяй, шилупоня**: Гринькъ – **будюм** нѣстоящий: ни с кем ни слова ни полсловъ ни гѣварит; Словъ бываль ат маво **буклая** ни даждѣсси; Што ты зъ **булычъ**, малчишь сѣ; Какой-ть **тюхтяй**, ни добѣсси тѣ ёво речѣй-ть; Какой жъ ты **шилупоня**, ни магѣш пѣгѣварить с людьми. Как жъ ты живѣш на оддалке, чяй, скушнѣ биз людей. Брось жыть на аддалке, сапчя живи.

Негативная оценка перечисленных выше качеств свидетельствует о том, что мужчина как социально значимый субъект и основной носитель морального авторитета, согласно традиционным стереотипным ожиданиям, должен соответствовать другим нравственным представлениям и ценностям русского народа, сложившимся жизненным устоям, а именно ориентированности на общинность, приоритет общих интересов, неприятие стремления противопоставить себя коллективу, скромность, дружелюбие, умение конструктивно выстраивать отношения между членами сообщества.

К порицаемым в мужчинах качествам в говорах также относятся:

– *ворчливость (хныч)*: Ну и вот тово, кто пѣстояннѣ ворчыт, хнычыт, **хныч** зовут;

– *жадность (большекромый, жадобъ)*: **Большакромъму**, сколько ни дай, фсѣ малъ; Хотель у нѣво выпрѣситъ, чай этъ первый **жадобъ** в деревни;

– *склонность к пустословию, болтливость (балабан, чебурах)*: Ну и **бълабан** у Мотьки мужык, ну-ну, а она сѣ большы молчит; Если ни знаш ничяво харошгъвъ, то луччи малчи, **чибурах**;

– *привередливость (чезезинник, чичварник, шаульник)*: Пѣчому ты не еш, **чычварник** едѣкый!; Эх и **шшаульник** он: этъ есть ни хочыт, то ни любит, измучыщъ с ним жана;

– *назойливость, надоедливость (гармач, мула)*: Апятъ идѣт, вот павадилси, **гармач**, **мула**);

мачь едькый; Какой **мула** ты, Петькь, пири-стань клянчить;

– *непоседливость, суетливость (толкун, хлыстень)*: Эх он и **хлыстень**. Так и бегът везде, так ы хлышчыт, так ы носищъ пъ деревни-ти, как дурак; Ну и **талкун**, на мести ни пьсидит;

– *легкомысленность (трясок)*: Взял гармонь этът **трясок-ът** и ньмолызгъвът [громко играть на музыкальном инструменте];

– *трусливость (тюляпай)*: Вилы у ка-во брал, атниси. – Тьмно уш, зафтри атнясу. Во **тюляпай**, мужык мне тожъ; Уш какой он **тюляпай** был, калёсньвъ скрипу баялся.

В народном сознании этот ряд негативных качеств характеризует преимущественно или исключительно женщин. Ср.: Сё большы бабы **зблякательны** [стремящийся много захватить, жадный], мужыкоф-тъ зблякатильных реткъ сустретиш. Вот хъш Матрёна, старъ уш, а зблякатильнъ, сё-тъ ей малъ. – Ну кады бабъ **жадуга**, етъ ща ничяво, а у нас в шабрах мужык **жадуга** страшэнный.

Наличие таких качеств у мужчины воспринимается как редкость и крайне негативно, поскольку снижает его статус. Отсюда немногочисленность или даже единичность относящихся к мужчинам бранных номинаций с подобной семантикой.

Практически не представлены номинации и с семантикой склонность распускать слухи, сплетничать, вздорность, скандальность. При этом ряды таких бранных номинаций, относящихся к женщинам, многочисленны, что говорит, кстати, о «двойных стандартах» в оценке личностных качеств: у мужчин как преимущественно положительной и у женщин как преимущественно отрицательной.

Малочисленность бранных номинаций с пейоративной оценкой интеллектуальных способностей мужчин, особенно в сопоставлении с большим количеством феминномаркированных номинаций с такой семантикой, репрезентирует бытующее в говорах стереотипное мнение о мужчинах как носителях рационального начала, обладающих большим по сравнению с женщинами интеллектом, – встречающиеся отклонения от подобного установления представляются досадной случайностью:

– *бестолковый, несообразительный: балабон, дундук, толмак, тумак, тупяк, чурак*: Ни спрашывъли бы этъвъ **бълабона**, ни знат он ничяво, он по двъ года в одном класи сё сидел; Эх я **дундук**! Сразу-ту ни допетриш [додуматься, понять], ф чэм дель-тъ, коли дойдёт дъ тея, уш познь. Нады бь сразу с короля ходить; Эх ты и **талмак**, ни дабъёсси ат тибя ничяво; Сиди и малчи, **тупяк**, слушъй, што люди скажут; Рази этъ присядатиль? **Чюрак** льпаухъй.

Патриархальное сознание безоговорочно признает мужской привилегией большую свободу поведения, однако когда такая свобода оборачивается грубым нарушением порядка, недопустимостью, общество отвечает негативной реакцией – использованием номинаций с пейоративным значением:

– *хулиган, озорник – абыс, бузуй, варнак, врыбля, урвач, шелтобуй*: Иш какой **бузуй**, ты руки-тъ ни больнъ рьспускай; Налётный бы взял **врыблю** этъвъ!; Сафсем ни-давнъ **урвачи** угнали машину и ръзабрали иё; Наш **шълтабуй** апеть ни пришол ньчя-вать, навернъ, пьяный;

– *распутник, волокита, человек, ведущий предосудительный образ жизни, пренебрегающий правилами пристойности: ахаверник, плёшник, ухабай, хмырь, чужебабник*: Сасет-тъ, видать, **чужбинкъй занялси** [изменять жене/мужу], **ахаверник**. Стыдоба вить; А муш-тъ у ниё был **плёшник**. Помир, а ана и слизинки ни вырънилъ, больнъ шатуший мужык был. – Дъ у миня шабёр-ът да старъсти фсё плёшничит; Дъ што пръ ниво гъварить, он такой **ухабай**, ни адной юпки ни прапустит; Ну и **хмырь** у ниё мужык: ни адной юпки ни прапустит. Я бы с таким **хмырём** жыть ни сталъ; Мужык-тъ у ней **чужебабник**, таись ни таись. Пра Вань-кины пъхаждения фся диревня маниньким язычком [про себя, не вслух] гъварит, а фслух-тъ баящъ.

Стоит отметить, что не находит одобрения, хотя и вызывает более снисходительную реакцию, безнравственное, беспутное поведение и мужчин холостых: Ты токь абалберивать [обольщать, соблазнять] магёш. На дель тибя нет; Приедит какой-нибудь паринь издалёкъ, абалберит дифчёнку, а ана плачь патом.

Большую группу бранных номинаций в говорах представляют обозначения любителей спиртного, что как будто свидетельствует о том, что пристрастие к алкоголю в говорах вызывает осуждение: **пьяница: облона, орясина, пьянушка, тюрюк, фуфлыга** и др.:

Петька – нъястайший **тюрюк**. Уш больнь вникат ф стакан [пьянствовать], ни пръсыхат; Зачем ты **фуфлыгый** [пьяница], стал, вить фсе у тибя былъ; Мая дочь чай уш **фуфлыгутъ** ни найдёт сибе; Вон два **чъпана** идут, апяты нъпились; Чычас мужыки **арясины** [пьяница, бездельник] пашли: пьют, и толькъ; Я съ сваим плохъ жыла: **пьянушка** был.

Так, нетерпимым является отношение к употреблению алкоголя женщинами: Мужык пьяный – куда ни шло, а баба – как афца в рипях, убил бы, кабы мая воля; Жана выпивахъ яму папальсь, блуднья. Таких выпивах мужыки дюжь пароли.

Примечательно, однако, что в современных говорах как приемлемое допускают умеренное употребление спиртного мужчинами: Чай, выпил бы скокъ пьлагацъ и домой шол, нет, он до тех пор лопът, пока вльскуты ни напьёцъ; Он тожь пьёт, ну пьёт фпрахлатку [пить спиртное иногда, не злоупотребляя]. Отмечено даже сопровождаемое положительной коннотацией обозначение мужчин, любящих и умеющих много пить, – **питок**: Какой ис тибя **питок**! Вот Иваныч был **питок**: бутылку выпьет – и ни заметнъ; Скокъ выпил – и ни в адном глазу [совсем не пьян], крепкый мужык. Фсе пьяны, а он ни в адном глазу.

Безусловно, системное описание диалектных гендерных стереотипов требует обращения к исследованию более обширного фактического материала, тем не менее принятый в статье анализ в означенном аспекте ряда бранных обозначений мужчин в русских говорах уже даёт определённую возможность судить о национальной специфике ценностных ориентиров и приоритетов гендерной картины мира диалектоносителей, представляемой как традиционная.

ВЫВОДЫ

В работе впервые проводится анализ бытующих в русских говорах бранных номинаций мужчин в гендерном аспекте.

Исследование диалектных бранных именований мужчин как опосредованного способа отражения национально-культурного представления маскулинности позволяет наблюдать патриархальные гендерные стереотипы, их содержание, обусловленность национальным общественным сознанием, которое утверждает и воспринимает мужское как доминантную категорию. Непреложность подобных традиционных воззрений даёт основание рассматривать их как фундаментальный ресурс для существования и воспроизводства гендерного неравенства в отечественном социуме.

Подобные исследования на разном диалектном материале способствуют прогнозированию возможности динамики традиционных гендерных стереотипов, её тенденций и перспектив в современной действительности.

Список литературы

1. Вендина Т.И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. С. 44-49.
2. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Гендерная диалектология и словари как её источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 83-105.
3. Новосёлова О.А. Невестка и свекровь в диалектной картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 197-201.
4. Толстова М.А. Отражение гендерной картины мира в наименованиях лиц женского пола в диалекте // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и материалы Междунар. конф. Казань, 2016. С. 292-298.
5. Толстова М.А. Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 68-75.
6. Маркина Л.В. Гендерные стереотипы в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин) // Русистика и компаративистика: сб. науч. тр. по филологии / гл. ред. С.А. Васильев. М.: Книгодел, 2019. Вып. 13. С. 234-243.

7. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36-54.
8. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
9. Маркина Л.В. Диалектные бранные обозначения женщин (на материале современных русских говоров) // Русский язык и литература в образовательном процессе: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: ИД «МарК», 2016. С. 64-69.
10. Стернин И.А. и др. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.
11. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / сост. Э.С. Большакова и др. Саранск, 1978–2006. Т. 1-8.
12. Семенкова Р.В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 330 с.

References

1. Vendina T.I. Dialektnoye slovo: vchera, segodnya, zavtra [A dialect word: yesterday, today, tomorrow]. *Vestnik Kostromskogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*, 2017, vol. 23, pp. 44-49. (In Russian).
2. Demeshkina T.A., Tolstova M.A. Gendernaya dialektologiya i slovari kak eyë istochnik [Gender dialectology and dictionaries as its source]. *Voprosy leksikografii – Questions of lexicography*, 2017, no. 12, pp. 83-105. (In Russian).
3. Novosyolova O.A. Nevestka i svekrov' v dialektnoy kartine mira [Daughter-in-law and mother-in-law in the dialect picture of the world]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and philology*, 2012, vol. 11, no. 9, pp. 197-201. (In Russian).
4. Tolstova M.A. Otrazheniye gendernoy kartiny mira v naimenovaniyakh lits zhenskogo pola v dialekte [Reflection of the gender picture of the world in the names of females in the dialect]. *Nauchnoye naslediyе V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: trudy i materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [V.A. Bogoroditskiy's Scientific Heritage and the Modern Research Vector of the Kazan Linguistic School: Proceedings and Materials of the International Conference]. Kazan, 2016, pp. 292-298. (In Russian).
5. Tolstova M.A. Gender v traditsionnoy kul'ture skvoz' prizmu slovary [Gender in traditional culture through the prism of dictionary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2016, no. 4 (24), pp. 68-75. (In Russian).
6. Markina L.V. Gendernyye stereotipy v dialektnoy kommunikatsii (na materiale brannykh nominatsiy zhenshchin) [Gender stereotypes in dialect communication (based on the material of women's verbal nominations)]. *Rusistika i komparativistika* [Russian Studies and Comparative Studies]. Moscow, Knigodel Publ., 2019, no. 13, pp. 234-243. (In Russian).
7. Demeshkina T.A., Tubalova I.V. Dialektnyy diskurs kak sfera realizatsii natsional'noy kul'tury: konstanty i transformatsii [Dialect discourse as a sphere of realization of national culture: constants and transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 50, pp. 36-54. (In Russian).
8. Denisova A.A. (ed.) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow, Informatsiya XXI vek, 2002, 256 p. (In Russian).
9. Markina L.V. Dialektnyye brannyye oboznacheniya zhenshchin (na materiale sovremennykh russkikh govorov) [Russian dialect designations of women (based on the material of modern Russian dialects)]. *Russkiy yazyk i literatura v obrazovatel'nom protsesse: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russian Language and Literature in the Educational Process: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Saratov, MarK Publishing House, 2016, pp. 64-69. (In Russian).
10. Sternin I.A. et al. Vyyavleniye priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta. [Identification of Signs of Humiliation of Honor, Dignity, Diminution of Business Reputation and Insult in the Linguistic Examination of the Text]. Yaroslavl, 2013, 35 p. (In Russian).

11. Bolshakova E.S. et al. (compiler). *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of Russian Dialects in Territory of the Republic of Mordovia]. Saransk, 1978–2006, vol. 1-8. (In Russian).
12. Semenkova R.V. *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Respubliki Mordoviya* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. Saransk, Mordovia University Publ., 2007, 330 p. (In Russian).

Информация об авторе

Маркина Людмила Витальевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: markina.lv@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, сбор данных, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>

Поступила в редакцию 18.11.2019 г.

Поступила после рецензирования 25.12.2019 г.

Принята к публикации 11.02.2020 г.

Information about the author

LudmilaV. Markina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines Department. Moscow City University, Moscow, Russian Federation. E-mail: markina.lv@mail.ru

Contribution: literature analysis, data acquisition, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>

Received 18 November 2019

Reviewed 25 December 2019

Accepted for press 11 February 2020